Робин ХОББ

Джордж МАРТИН

Орсон Скотт КАРД

Диана ГЭБЛДОН

Роберт СИЛВЕРБЕРГ

Тэд УИЛЬЯМС

Энн МАККЕФРИ

Раймонд ФЕЙСТ

Элизабет ХЭЙДОН

Нил ГЕЙМАН

Терри БРУКС

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Легенды II

«Королева Язу»
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. «КОРОЛЕВА ЯЗУ»
«КОРОЛЕВА ЯЗУ»

Аннотация

Орсон Скотт Кард
«КОРОЛЕВА ЯЗУ»

В книгах о мастере Элвине Орсон Скотт Кард показывает нам, какой могла бы стать история Америки, если бы Американской революции не произошло, а чародеи существовали на самом деле.

Америка у Карда разделена на несколько провинций, а Испания и Франция сохраняют прочную позицию в Новом Свете. Научная революция в Европе побудила многих людей с магическим даром эмигрировать в Северную Америку. Элвин — седьмой сын седьмого сына, что само по себе наделяет его незаурядной силой. Элвину предназначено стать Созидателем, адептом, который рождается лишь раз в тысячу лет. Но на каждого Созидателя есть свой Разрушитель, воплощение сил зла. Он использует против Элвина его брата Кэлвина.

В своих странствиях Элвин сталкивается с проблемами рабства и постоянной вражды между поселенцами и краснокожими, удерживающими за собой западную часть континента. В заключительных книгах Элвин, видимо, должен наконец сразиться с Разрушителем, и эта битва решит судьбу всего континента, а может быть, и целого мира.

«КОРОЛЕВА ЯЗУ»

Элвин смотрел, как капитан Ховард встречает очередных пассажиров — преуспевающее семейство с пятью детьми и тремя рабами.

— Эта река — американский Нил, — говорил капитан, — но даже сама Клеопатра не путешествовала в такой роскоши, какую вы найдете на борту «Королевы Язу».

Для хозяев это, возможно, и верно, думал Элвин, но только не для рабов — хотя их в качестве слуг тоже разместят намного удобнее, чем беглых. Последние — около двадцати человек, закованных в цепи, — ждали погрузки на причале под палящим солнцем.

Элвин наблюдал за ними с тех пор, как вместе с Артуром Стюартом прибыл в порт Карфаген-Сити около одиннадцати утра. Артуру Стюарту не терпелось осмотреть все вокруг, и Элвин его отпустил. Город, объявлявший себя Финикией Запада, представлял немалый интерес для мальчугана возраста Артура, хотя бы и мулата. Карфаген-Сити стоял на северном берегу Гайо, и в Артуре могли заподозрить беглого, но свободных негров здесь

тоже хватало. Артур Стюарт — парень неглупый и сумеет за себя постоять.

Закон гласил, что черный раб с Юга остается рабом даже в свободном штате. Стыд и позор. Эти люди на пристани проделали долгий путь до Гайо, чтобы обрести свободу, а здесь их схватили ловчие. Теперь их снова ждут цепи, плети и прочие ужасы рабства. Озлобленные хозяева наверняка подвергнут пойманных рабов примерному наказанию. Неудивительно, что многие пытаются покончить с собой.

Элвин видел, что некоторые из них ранены — впрочем, эти раны они могли нанести себе сами. Ловчие не склонны портить товар, за который им хорошо заплатят после доставки. Эти порезы на запястьях и животах скорее доказывают, что свобода для беглецов дороже жизни.

Элвин ждал, чтобы посмотреть, на этот пароход их погрузят или на другой. Чаще всего беглецов переправляли через реку и гнали домой пешком — они то и дело прыгали за борт и сразу шли на дно из-за цепей, поэтому ловчие относились к речным перевозкам настороженно.

Элвин, однако, слышал обрывки их разговора; они переговаривались редко, потому что за это полагался кнут, и не настолько громко, чтобы

он мог разобрать слова, но по мелодике их речь не походила на английскую — ни на северную, ни на южную, ни на негритянскую. Ни один из африканских языков это тоже не напоминало. Британия развернула настоящую войну с работорговлей, и невольничьим судам редко удавалось перебраться через Атлантику.

Скорее всего они говорили по-испански или по-французски — стало быть, их, вероятно, собирались отправить в Нуэва-Барселону (или Новый Орлеан, как до сих пор называли этот город французы).

Это вызывало у Элвина ряд вопросов, главный из которых был таким: как попали беглые из Барселоны в штат Гайо? Пешком топать далековато, особенно если они не говорят по-английски. Жена Элвина Пегги выросла в семье аболиционистов, и ее отец, Гораций Гестер, постоянно переправлял беглецов через реку. В работе «подпольной железной дороги» Элвин разбирался неплохо. Ее ветки доставали даже до новых герцогств Миззипи м Алабама, но он никогда не слыхал, чтобы ею успешно пользовались франко- или испаноговорящие рабы.

— Мне опять есть охота, — сказал Артур Стюарт.

Элвин взглянул на мальчугана — нет, на парня. Артур сильно вырос и говорил басом. Он стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на «Королеву Язу».

— Я вот думаю, — сказал Элвин, — не проехаться ли нам на этой посудине, чем стоять и пялиться на нее?

— Далеко? — спросил Артур.

— А тебе как бы хотелось — далеко или близко?

— Она в Барси идет, это ясно.

— Если туман на реке позволит. Может и не дойти.

— Еще бы, — скорчил рожицу Артур. — Как ему не быть, туману, раз на этом пароходе поедешь ты.

— Кто его знает. С водой у меня всегда нелады.

— Это когда ты был маленький. Теперь туман делает то, что ты хочешь.

— Скажешь тоже.

— Ты сам мне показывал.

— Я показывал, как управлять дымом от свечки — и если у меня получилось, это еще не значит, что любой дым или туман будет меня слушаться.

— Сдается мне, что будет, — ухмыльнулся Артур.

— Я просто хочу дождаться и посмотреть, повезет этот пароход невольников или нет, — сказал Элвин.

Артур посмотрел туда же, куда и Элвин, то есть на беглых.

— Почему ты попросту не освободишь их? — спросил он.

— И куда они денутся после этого? Их стерегут.

— Тоже мне стража! Только и знают, что спиртное тянуть.

— У ловчих останутся их шкатулки. Их быстро изловят снова, и тогда им придется еще хуже.

— Так ты вообще ничего не собираешься делать?

— Я не могу снимать цепи с каждого раба на Юге, Артур Стюарт.

— Я же видел: ты плавишь железо, как масло.

— Допустим, что целая куча рабов разбежится, оставив за собой лужи расплавленного железа. Что подумают власти? Что рядом случился кузнеце мехами и тонной угля, который взял да и снял с них оковы? А потом сбежал за компанию, запихав оставшийся уголь в карманы?

— Лишь бы тебе ничего не было, — с вызовом бросил Артур Стюарт.

— Еще бы! Ты же знаешь, какой я трус.

В прошлом году Артур захлопал бы глазами и извинился, но теперь, когда его голос стал низким, «извини» он выговаривал с трудом.

— Вылечить всех и каждого ты тоже не можешь, — сказал он, — но некоторых же все-таки лечишь.

— Бесполезно освобождать их, раз они не смогут сохранить свободу. И вот еще что: сколько из них, по-твоему, пустится бежать, а сколько в реке утопится?

— С чего им топиться?

— С того, что они не хуже меня знают: беглому рабу в Карфаген-Сити свободы не видать. Этот город, может, и самый большой на Гайо, но когда дело касается рабства, он скорее южный, чем северный. Говорят, здесь в подвалах даже невольничьи рынки действуют, а власти знают об этом и ничего не делают, потому что тут завязаны большие деньги.

— И ты им помочь ничем не можешь.

— Я залечил язвы от кандалов на их запястьях и лодыжках. Сделал так, чтобы они не страдали от солнцепека. Очистил воду, которую им давали, чтобы они не подцепили заразу.

Тут Артур все-таки сбавил немного тон, хотя продолжал смотреть вызывающе:

— Я никогда не сомневался, что ты человек хороший.

— Здесь и сейчас я только и могу, что быть хорошим. И я не собираюсь платить этому капитану, если рабы поплывут на юг на его пароходе. Невольничье судно моих денег не увидит.

— Он даже не заметит, что их не хватает, денег твоих.

— Еще как заметит! Капитан Ховард по запаху может определить, сколько денег у тебя в кармане.

— Ты-то даже этого не можешь.

— У него по этой части дар, так я думаю. Корабль ведет рулевой, за машиной смотрит механик, колесо, если оно зацепит левый берег, чинит плотник. Почему же тогда капитан — он? Да потому что знает, у кого денежки есть, и умеет их выманить.

— И сколько же он должен увидеть у тебя в кармане?

— Достаточно, чтобы иметь крепкого молодого раба, но недостаточно, чтобы заставить этого самого раба помалкивать.

— Я не твой раб, — насупился Артур Стюарт.

— Я говорил, что не хочу тебя брать на Юг, потому что тогда мне придется делать вид, будто ты

моя собственность. Не знаю, что хуже: тебе притворяться рабом, или мне — человеком, который способен владеть рабами.

— Я еду, и точка.

— Это ты так думаешь.

— Ты не должен возражать: ведь ты можешь заставить меня остаться, ежели захочешь.

— Не говори «ежели». Пегги это бесит.

— Ее тут нет. И ты сам все время так говоришь.

— Младшее поколение должно быть лучше предыдущего.

— Значит, ты никуда не годный учитель. Я уж вон сколько лет учусь у тебя творить, а всего-то и научился, что свечки гасить да вызывать трещины на камне.

— У тебя хорошо получается и получалось бы еще лучше — надо только мозги прикладывать.

— Я и прикладываю, аж башка трещит.

— Мне, пожалуй, следовало сказать не «мозги», а «сердце». Дело не в том, чтобы создать свечку, камень или цепи, как в данном случае, — а в том, чтобы заставить их сделать то, что нужно тебе.

— Я ни разу не видел, чтоб ты велел железу погнуться или сухому дереву дать ростки, но они тебя слушаются.

— Да, может статься, ты не видел этого и не

слышал, однако я это делаю. Просто вещи откликаются не на слова, а на план в моем сердце.

— По мне, это все равно что желания загадывать.

— Тебе так кажется, потому что ты пока еще сам не научился это делать.

— Я ж говорю, учитель из тебя никудышный.

— Из Пегги тоже — стоит послушать, как ты говоришь.

— Разница в том, что я могу говорить правильно, когда она рядом. А вмятину на жестянке выправить не могу, хоть есть ты рядом, хоть нет.

— Мог бы, если бы постарался.

— Я хочу сесть на этот пароход, — сказал Артур Стюарт.

— Даже если он перевозит рабов?

— Если мы останемся на берегу, он их все равно повезет.

— Да ты идеалист, парень.

— Давай, Творец, поехали. Будешь ухаживать за этими несчастными, пока их не доставят обратно в ад.

Элвин счел насмешку раздражающей, но в общем оправданной.

— Ну что ж, — сказал он. — Мелкие блага кажутся большими, когда у тебя ничего больше нет.

— Тогда иди за билетами. Скоро он отплывет, и нам в это время желательно быть на борту, правильно?

Смесь небрежности и настойчивости в тоне Артура не понравилась Элвину.

— Уж не задумал ли ты освободить этих бедолаг в пути, а? Они тут же попрыгают за борт, а плавать никто из них не умеет, готов поспорить — так что это было бы самым обыкновенным убийством.

— Ничего я такого не задумывал.

— Обещай, что не станешь освобождать их.

— Я и пальцем не шевельну, чтобы им помочь. Когда надо, я умею ожесточать свое сердце — не хуже, чем ты.

— Надеюсь, ты понимаешь, что такие вот слова не доставляют мне удовольствия. Особенно потому, что я их не заслуживаю, как ты тоже должен понимать.

— Ты хочешь сказать, что не надо ожесточать свое сердце, чтобы видеть такие вещи и ничего не делать?

— Если бы я и правда мог ожесточить свое сердце, я стал бы хуже, зато счастливее.

И Элвин направился к будке, где сидел казначей «Королевы Язу». Себе он взял дешевый билет до

самой Нуэва-Барселоны, а за Артура заплатил как за слугу. Он злился, что вынужден изображать рабовладельца, но кассир ни о чем не догадался ни по его голосу, ни по лицу. Возможно, все рабовладельцы хоть немного да злы на себя, поэтому Элвин не особенно от них отличался.

Сказать по правде, путешествие по реке радовало и волновало Элвина. Он любил механику, любил все эти шестеренки, рычаги и клапаны, и жаркий, как в кузнице, огонь, и рвущийся из котлов пар. Любил большое гребное колесо, напоминавшее ему отцовскую мельницу, где он вырос, — только здесь колесо толкало воду, а не наоборот. Любил работу стальных частей — вращение, компрессию, движение поршней. Он запустил в машину «жучка» и изучил ее не хуже, чем собственное тело.

Механик хорошо ухаживал за своей машиной, но были вещи, которые он знать просто не мог. Трещинки в металле, детали, работающие под избыточным напряжением или трущиеся из-за недостатка смазки. Разобравшись что к чему, Элвин стал обучать металл навыкам самолечения, показывая, как заделывать трещины и смягчать трение. Не прошло и двух часов, как пароход отчалил, а он уже довел паровую машину почти до

полного совершенства и дальше ехал спокойно. Он, как и все остальные пассажиры, разгуливал по слегка подрагивающей палубе, а его «жучок» занимался машиной, вникая в каждое движение механизма.

Перестав требовать особого внимания, она отошла на задний план его разума, и Элвин занялся пассажирами.

В первом классе ехали люди денежные, и тут же поблизости размещались их слуги. У других, как у Элвина, хватало средств только на четырехместные каюты второго класса. Их слуги, если таковые имелись, спали под палубой, как и матросы, только в еще более тесном помещении — не потому, что места не хватало, просто команда обиделась бы, будь у них условия такими же, как у черных.

Наконец, были палубные пассажиры, которым даже коек не полагалось, только скамейки. Некоторые из них ехали на короткие расстояния, проводя в пути не более суток, и потому экономили, другие были обыкновенные бедняки; путь их лежал до Фив, до Коринфа и даже до самой Барси, и если они за это время отсиживали себе зады на жестких скамейках, то в их жизни это было не первое и не последнее мытарство.

Элвин, однако, счел своим долгом — тем более что усилий это почти не требовало — как-то приспособить палубные скамейки к сидящим на них задам. Переместить вшей и клопов в каюты первого класса тоже было дело нехитрое. Он рассматривал это как образовательный проект — надо же и насекомым приобщиться к высшим сферам. Благородная кровь для них как тонкий ликер, вот пусть и отведают ее хоть раз за свою короткую жизнь.

Все это некоторое время занимало его. Не то чтобы он посвящал этому все свое внимание — ведь в мире были враги, готовые убить его, и незнакомцы, которые могли бы полюбопытствовать, что лежит у него в котомке, которую он всегда держал под рукой. Поэтому он присматривал за всеми сердечными огнями на пароходе и сразу замечал, когда кто-то интересовался его особой.

Вернее, должен был замечать. Он не почувствовал ничьего приближения, и когда ему на плечо опустилась рука, он чуть за борт не сиганул от неожиданности.

— Какого черта! Артур Стюарт, нельзя же так к людям подкрадываться.

— Трудно не подкрадываться, когда машина

так грохочет. — Говоря это, Артур ухмылялся как старый Дэви Крокетт,[1] очень довольный собой.

— Ну почему единственный навык, которым ты потрудился овладеть, причиняет мне одни неприятности?

— По-моему, это полезно — уметь скрывать свой сердечный огонь. — Последние слова Артур произнес вполголоса — о мастерстве созидания не следовало говорить при посторонних.

Элвин безвозмездно обучал этому мастерству всех, кто принимал его всерьез, но не желал устраивать представление для любопытных — тем более что многие из них могли вспомнить о беглом кузнечном подмастерье, укравшем волшебный золотой лемех. Не имело значения, что эта история на три четверти выдумка и на девять десятых ложь. Элвина все равно могли убить или просто стукнуть по голове и ограбить — а в котомке у него действительно лежал живой лемех, которого Элвин совсем не хотел лишиться, полжизни протаскав его по всей Америке.

— Никто на этом пароходе, кроме меня, твой сердечный огонь не видит, — сказал Элвин. — Ты научился его скрывать ради одного-единствен-

[1] Примечания: 1

Американский первопроходец и политический деятель, фигурирующий в произведениях О.С. Карда. — Примеч. пер.

ного человека, от которого тебе скрываться не надо.

— Глупости. Раб в первую очередь должен скрываться от своего хозяина, — заявил Артур и только ухмыльнулся в ответ на сердитый взгляд Элвина.

— Приятно видеть человека, который хорошо обращается со слугами! — раздался вдруг чей-то голос.

Элвин, обернувшись, увидел коротышку с широкой улыбкой и весьма лестным, судя по лицу, мнением о себе самом.

— Тревис, — представился он. — Уильям Баррет Тревис, адвокат. Родился, вырос и прошел курс наук в Королевских Колониях, а теперь предлагаю людям честный заработок здесь, на окраинах цивилизации.

— Люди по обе стороны Гайо считают себя, в общем-то, цивилизованными, — заметил Элвин, — хотя что с них взять: в Камелоте они не бывали и короля не видели.

— Вы, кажется, называете вашего парня «Артур Стюарт»? Я верно расслышал?

— Его имя — чья-то шутка, не моя, но мне сдается, оно ему подходит. — Поддерживая разговор, Элвин все время думал: «Что может быть нужно

этому человеку от загорелого, мускулистого, туповатого на вид малого вроде меня?»

Он чувствовал, что Артур Стюарт порывается что-то сказать, и знал, что ничего умного тот не скажет. Не желая возиться еще и с этим, Элвин взял его за локоть и незаметно для чужого глаза заставил временно онеметь.

— Ну и плечи у вас! — восхитился Тревис.

— Как у всех. По одному на каждую руку.

— Я подумал было, что вы кузнец, но у кузнецов одно плечо всегда развито больше другого.

— Есть кузнецы, которые левой рукой орудуют не хуже, чем правой, — чтоб не заносило при ходьбе.

— Вот все и разъяснилось, — хмыкнул Тревис. — Вы в самом деле кузнец.

— Когда у меня под рукой мехи, уголь и горн.

— Вряд ли все это помещается в вашей котомке.

— Сэр, — сказал Элвин, — я побывал в Камелоте и не помню, чтобы там было принято заговаривать о чьей-то поклаже после столь кратковременного знакомства.

— Да, конечно. Думаю, это сочли бы дурным тоном где бы то ни было. Виноват. Не хотел показаться невежливым, но я, видите ли, ищу людей,

владеющих нужными нам ремеслами, однако еще не занявших твердого места в жизни. Странствующих умельцев, так сказать.

— Многие переезжают с места на место, — сказал Элвин, — и не все из них те, за кого себя выдают.

— Потому я так и накинулся на вас, дружище — вы-то себя ни за кого не выдаете. Если человек не хвастается даже здесь, на реке, это достаточно хорошая рекомендация.

— Значит, вы на реке новичок. Те, кто помалкивает, скорее всего просто не хотят, чтобы их узнали.

— По вашей речи видно, что вы получили кое-какое образование.

— Его недостаточно, чтобы превратить кузнеца в джентльмена.

— Я набираю добровольцев, — поведал Тревис. — В экспедицию.

— Предпочтительно кузнецов?

— Сильных мужчин, владеющих орудиями всякого рода.

— Но у меня уже есть работа, — сказал Элвин. — И поручение в Барси.

— И вас не манят новые земли, находящиеся ныне в руках у свирепых дикарей? Эта страна

ждет прихода христиан, которые очистят ее от кровавых жертвоприношений.

Элвин ощутил приступ гнева, смешанного со страхом. Как всегда в таких случаях, он сохранил полное спокойствие, и его улыбка стала еще веселее.

— Как я понял, вы собираетесь переправиться на западный берег реки, не страшась тумана. Я слышал, что у краснокожих на той стороне есть зоркие глаза и чуткие уши, и они внимательно следят за белыми, которым приходит охота нарушить мир.

— Вы неправильно поняли, друг мой. Я говорю не о прериях, где в свое время промышляли трапперы и куда теперь краснокожие не допускают ни одного бледнолицего.

— Каких же дикарей вы тогда имели в виду?

— Южных, мой друг, южных и западных. Злобные мексиканские племена, которые вырывают сердца у живых людей на вершинах своих пирамид.

— Да, предприятие у вас действительно дальнее. И глупое. Их вся мощь Испании не смогла покорить — думаете, это удастся кучке англичан с законником во главе?

Тревис облокотился на поручни рядом с Элви-

ном, глядя на реку.

— Мексиканцы — гнилая нация. Все прочие краснокожие их ненавидят, и они полностью зависят от Испании, которая поставляет им устаревшее оружие. Говорю вам, они созрели для завоевания. Да и какую армию они смогут выставить, поубивав за долгие века столько народу на своих алтарях?

— Только дураки ищут войны, когда никто не нападает на них.

— Еще бы! Целое сборище дураков. Дураки, которые хотят разбогатеть, как Писарро, победивший инков с горсткой людей.

— Или умереть, как Кортес.

— Они все давно уже умерли. Вы располагаете жить вечно?

Элвин разрывался между двумя желаниями: послать этого деятеля подальше и разузнать побольше о его планах. И сейчас он решил, что слишком близко знакомиться с ними не стоит:

— Боюсь, вы напрасно теряете со мной время, мистер Тревис. Другие, возможно, заинтересуются больше, потому что меня это совершенно не интересует.

Тревис заулыбался еще шире, но Элвин видел, как участился его пульс и разгорелся сердечный

огонь. Этот человек не любит, когда ему отказывают, но прячет это за улыбкой.

— Ну что ж. Нового друга завести всегда приятно, — сказал он и протянул руку.

— Не примите за обиду, — сказал Элвин, — и спасибо, что сочли меня достойным вашего внимания.

— Нет-нет, никаких обид. Я больше не стану вас спрашивать, но если вдруг передумаете, охотно приму вас.

Они обменялись рукопожатием, похлопали друг друга по плечу, и Тревис ушел, не оглядываясь.

— Давай поспорим, — сказал Артур Стюарт. — Никакие они не завоеватели, а просто охотятся за мексиканским золотом.

— Да как сказать. Уж очень он откровенен для человека, который собирается нарушить запрет короля и конгресса. И в Королевских Колониях, и в Соединенных Штатах с ним расправятся быстро, если поймают.

— Ну, не знаю. Закон законом, но что, если королю Артуру понадобятся новые земли и рабы, а со Штатами он воевать не захочет?

— Знаешь, это мысль, — сказал Элвин.

— И очень здравая, на мой взгляд.

— Тебе полезно со мной путешествовать. Мысли в голове появляются.

— Я первый об этом подумал.

Вместо ответа Элвин достал из кармана письмо и показал Артуру.

— От миз Пегги. — Артур прочел и расстроился. — Не говори только, что знал, что этот парень поедет с нами на одном пароходе.

— Понятия не имел. Я думал, что мое расследование начнется только в Нуэва-Барселоне. Теперь я знаю, за кем надо последить, когда мы туда приедем.

— Она пишет о человеке по имени Остин.

— С ним должны быть и другие. Вербовщики, раз он надеется набрать целое войско.

— И надо же ему было наткнуться именно на тебя!

— Просто он услышал, как ты мне хамишь, и решил, что хозяин я плохой — а значит, охотно буду подчиняться кому-то.

Артур сложил письмо и вернул его Элвину.

— Если король готовит вторжение в Мексику, что из этого следует?

— Так или нет, он сейчас не может позволить себе войну со свободными штатами, верно ведь? — сказал Элвин.

— Значит, рабовладельческие штаты в драку тоже не полезут, — заключил Артур Стюарт.

— Но война с Мексикой когда-нибудь кончится — ежели она вообще начнется, конечно. Король либо проиграет ее — тогда он взбесится и начнет лезть на рожон, либо выиграет, набьет казну мексиканским золотом и купит себе целый флот, ежели захочет.

— Миз Пегги не понравится, что ты говоришь «ежели» на каждом шагу.

— Война — скверная штука, сколько б они ни жужжали, что тебе от нее никакого вреда.

— Но ведь человеческие жертвы — это тоже плохо. Надо же их как-то остановить?

— Думаю, краснокожие, которые молятся, чтобы их освободили от мексиканцев, как-то не представляют себе рабовладельцев в качестве новых хозяев.

— Но рабство все-таки лучше, чем смерть, разве нет?

— Твоя мать думала иначе. Давай-ка прекратим эти разговоры — мне от них грустно становится.

— Про человеческие жертвы или про рабство?

— Про то, что одно, как ты полагаешь, может быть лучше другого. — И помрачневший Элвин отправился в каюту, которую пока занимал один.

Он положил золотой лемех на койку и прилег, надеясь, что сон поможет ему лучше во всем разобраться. Почему этот Тревис держится так смело? И почему Артур Стюарт так слеп? Ведь столько людей принесли многое в жертву, чтобы сохранить ему свободу.

Только в Фивах к Элвину подсел еще один пассажир. Элвин сошел на берег посмотреть город, слывший величайшим из портов Американского Нила, а когда вернулся, на его койке спал кто-то другой.

При всей его досаде это можно было понять. Койка была лучшая в каюте — нижняя на той стороне, где солнышко светило утром, а не в дневную жару. А Элвин, когда уходил, никаких вещей на ней не оставил. Котомку он захватил с собой, а больше никакого добра на белом свете у него не было. Не считая ребенка, которого носила его жена, — и если уж речь об этом, она не расставалась со своей ношей точно так же, как Элвин с золотым лемехом.

Поэтому Элвин не стал будить нового и вышел поискать Артура Стюарта, а заодно и укромный уголок, чтобы съесть принесенный с собой ужин. Артур заявил, что останется на пароходе. Его дело, но Элвин не собирался сбиваться с ног,

разыскивая его. Свисток, предупреждающий об отплытии, уже прозвучал, и Артуру полагалось встречать Элвина, а он этим пренебрег.

Не то чтобы Элвин испытывал какие-то трудности с его обнаружением. Он почти все время мог засечь его сердечный огонь и сомневался, что Артур сумеет скрыть его, если Элвин по-настоящему захочет его найти. Сейчас парень находился внизу, в помещении для рабов, где его никто не спросит, что он тут делает и куда девался его хозяин. Вопрос в том, что ему в самом деле там надо.

Едва успев достать из котомки кукурузный хлеб, сыр и сидр, Элвин увидел, как Артур поднимается по трапу на палубу — и не в первый раз задумался, так ли уж парень слаб в созидании.

По натуре Артур не лжец, но секреты, в общем, хранить, умеет — может, он просто не рассказывает Элвину обо всем, чему научился? Может, он вылез наверх именно сейчас потому, что знает: Элвин пришел из города и расположился поесть?

Элвин, само собой, и куска не успел проглотить, как Артур плюхнулся рядом с ним на скамейку. Элвин мог бы поесть в кают-компании, но там «слугу» рядом с собой не посадишь, а на палубе это никого не касается. Рабовладельцы, конечно, могли счесть его последним отребьем, но их мне-

ние Элвина не очень-то волновало.

— Ну как? — спросил Артур Стюарт.

— Хлеб как хлеб.

— Я тебя не про хлеб спрашиваю!

— Сыр тоже ничего, хотя его делают из молока самых заморенных, костлявых, заеденных мухами, облепленных навозом коров, когда-либо стоявших в могиле двумя копытами.

— Стало быть, молочное дело у них не на высоте.

— Если они претендуют на звание столицы Американского Нила, им не мешало бы сперва осушить болото. Раз Гайо и Миссипи сливаются здесь, значит, это место низменное, а раз оно низменное, то его все время заливает. Не надо быть ученым, чтобы это вычислить.

— Никогда не слыхал об ученом, который отличал бы низменность от возвышенности.

— Не всякий ученый туп, как пробка.

— Знаю, знаю. Где-то должен быть ученый, в котором знания сочетаются со здравым смыслом, просто до Америки он пока не доехал.

— Это доказывает наличие у него здравого смысла. Что ему делать в стране, где большой город ставят прямо на болоте.

Отсмеявшись, они хорошенько набили рты.

Когда они отужинали — Артур умял больше половины и не сказать, чтобы наелся, — Элвин с деланной небрежностью спросил его:

— Что там такого интересного, в трюме?

— У рабов, ты хочешь сказать?

— Я пытаюсь говорить, как человек, способный владеть другими людьми, — очень тихо пояснил Элвин. — А ты попытайся говорить, как человек, который кому-то принадлежит — или уж не суйся на Юг.

— Я старался понять, на каком языке говорят эти беглые.

— Ну и?

— Точно не по-французски. Там есть один канадец, и он говорит, что нет. И не по-испански — так сказал парень с Кубы. Никто не знает, покаковски они лопочут.

— По крайней мере мы знаем, на каком языке они не говорят.

— Я знаю больше.

— Слушаю тебя внимательно.

— Тот кубинец отозвал меня в сторонку и говорит: «Знаешь, парень, я уже слыхал такой говор». «Что ж это за говор», — спрашиваю? А он: «Мне сдается, никакие они не беглые».

— Почему он так думает? — Про себя Элвин

отметил, что Артур в точности копирует слова того другого и его акцент.

Раньше Артур Стюарт мог скопировать что угодно, не только человеческие голоса — крики птиц и животных, детский плач, шорох ветра в деревьях и шлепанье башмаков по грязи. Был у него такой дар до того, как Элвин переменил в нем все, даже запах, чтобы ловчие не могли больше найти Артура по обрезкам его ногтей и волос. Перемены коснулись самых глубоких и потаенных уголков Артурова существа и сказались на его одаренности. Тяжело поступать так с ребенком. Благодаря этому Артур сохранил свободу, но Элвин сожалел о цене, которую пришлось за нее отдать.

— Он говорит, что слышал такую речь, когда ездил с хозяином в Мексику.

Элвин глубокомысленно кивнул, хотя понятия не имел, что это может значить.

— Я его спрашиваю, откуда черным ребятам знать мексиканский говор, а он: в Мексике когда-то много черных было.

— И то верно, — сказал Элвин. — Они прогнали испанцев всего пятьдесят лет назад. Думаю, их вдохновил на это Том Джефферсон, освободивший черрики из-под власти короля. К тому

времени испанцы должны были ввезти в страну много рабов.

— Ну да. Вот я и спрашиваю: раз в Мексике приносят столько человеческих жертв, почему ж они первым делом не поубивали этих африканских рабов? А кубинец говорит: черные люди грязные, их нельзя скармливать мексиканскому богу. И давай ржать как сумасшедший.

— Пожалуй, в том, что другие считают тебя нечистым, есть некоторое преимущество.

— Многие американские проповедники говорят, что Бог всех людей считает нечистыми духовно.

— Это ложь, Артур Стюарт. Многих проповедников ты слышать никак не мог.

— Я слышал, что так они говорят. Потому-то наш Бог и не признает человеческих жертв. На кой они ему, раз все мы нечистые, как черные, так и белые.

— Однако я не верю, что Бог именно так думает о своих детях. И ты тоже не веришь.

— Мало ли во что я верю. Мы с тобой не всегда думаем одинаково.

— Я счастлив уже оттого, что ты вообще думаешь.

— Это так, хобби. Не основное мое занятие.

Элвин засмеялся, чем Артур остался очень доволен, и принялся рассуждать вслух:

— Итак, у нас есть двадцать пять рабов, происходящих из Мексики. Они следуют вниз по Миссипи на том же пароходе, что и человек, вербующий солдат для вторжения в ту же Мексику. Поразительное совпадение.

— Проводники? — предположил Артур.

— Весьма вероятно. Они, возможно, закованы в цепи по той же причине, по которой ты притворяешься рабом. Чтобы их принимали не за тех, кто они есть на самом деле.

— Или у кого-то хватает ума полагать, что закованные рабы будут хорошо показывать дорогу на неизвестных землях.

— Ты хочешь сказать, что они не такие уж и надежные.

— Может, они не прочь умереть с голоду в пустыне, чтобы прихватить с собой белых рабовладельцев.

Значит, мальчик все-таки понимает, что смерть можно предпочесть рабству. Это хорошо.

— Жаль, что я не говорю по-мексикански, — сказал Элвин. — И ты тоже.

— Да-а.

— Не вижу, как ты сможешь выучить их язык.

К ним никого не подпускают.

— Да-а.

— Надеюсь, у тебя не зародился какой-нибудь дурацкий план, о котором ты умалчиваешь.

— Могу и сказать. Я уже договорился, что буду носить им еду и выносить за ними парашу. До рассвета, когда больше никто это делать не рвется.

— Их стерегут круглые сутки. Какты вообще собираешься разговаривать с ними?

— Брось, Элвин. Ты же знаешь, что хоть один из них да говорит по-английски — как иначе они могли бы работать проводниками?

— Или по-испански, а кто-то из белых тоже владеет этим языком. Об этом ты не подумал?

— Я уже попросил кубинца выучить меня испанскому.

Это показалось Элвину явным хвастовством.

— Я отсутствовал всего шесть часов, Артур Стюарт.

— Ну, он ведь не совсем еще меня выучил.

Элвин опять задумался о том, так ли уж сильно пострадал талант, которым Артур обладал в детстве. Выучить язык за шесть часов? Нет, конечно, гарантии, что кубинский раб хорошо владеет испанским — как и английским, впрочем. Но что, если у Артура Стюарта природный дар к

языкам? Что, если он был вовсе не имитатором, а мальчиком, от рождения умеющим говорить на любом языке? Элвин слышал о таких людях. Им стоит только услышать чужое наречие, чтобы заговорить на нем, как на родном.

Может быть, этот дар по-настоящему проснулся в Артуре только теперь, когда он становится мужчиной? Элвин даже позавидовал ему и тут же посмеялся над собой. Представить только, чтобы человек с его, Элвина, даром завидовал кому-то другому! Он может сделать камень жидким как вода, воду — прочной как сталь и прозрачной как стекло, может обратить железо в живое золото и при этом жалеет, что не способен овладеть чужим языком с той же легкостью, с какой кошка падает на лапы? Грех неблагодарности, один из многих, за которые его наверняка пошлют в ад.

— Чего ты смеешься? — спросил Артур Стюарт.

— Все время забываю, что ты уже больше не мальчик. Хочу только надеяться, что если тебе понадобится моя помощь — вдруг, скажем, тебя поймают на разговорах с мексиканскими рабами и начнут драть кнутом, — ты сумеешь как-нибудь дать мне знать.

— Очень даже сумею. А если убивец с ножиком, который спит на твоей койке, вдруг начнет плохо

себя вести, ты тоже дай знать, что написать на твоей могильной плите.

— Убивец с ножиком?

— Так говорят под палубой. Но ты лучше спроси его сам, он тебе все и расскажет. Ты ведь так поступаешь обычно, правда?

— Угу. Если я что-то хочу знать, то так прямо и спрашиваю.

— И тебя, как правило, не убивают.

— В среднем у меня неплохие результаты, — скромно ответил Элвин.

— Но ты не всегда выясняешь то, что хочешь.

— Зато всегда выясняю что-то полезное. Например, как легко раздражаются некоторые люди.

— Я сказал бы, что у тебя дар на это дело, если б не знал, что у тебя есть другой.

— Бесить людей, да.

— Они начинают злиться, не успеешь ты поздороваться.

— А на тебя вот никто не злится.

— Потому что я симпатичный.

— Ну, не всегда. Хвастовство тоже иногда раздражает.

— Только не моих друзей, — ухмыльнулся Артур.

— Но твоих родных это с ума сводит.

Когда Элвин вернулся к себе, «убивец с ножиком» уже проснулся и вышел куда-то. Элвин подумал, не занять ли ему снова свою койку, но это значило нарываться на драку, и он решил, что дело того не стоит. В каюте четыре койки на двоих — незачем злить попутчика, борясь за одну-единственную.

Засыпая, Элвин, как всегда, отыскал сердечный огонь Пегги и удостоверился, что у нее все хорошо. Ребенок в ней рос как положено, и у него теперь тоже билось сердечко. Не то что во время первой беременности, когда ребенок родился преждевременно и выжить не смог. Теперь Элвину не придется смотреть, как его дитя синеет и задыхается у него на руках, несмотря на отчаянные попытки отца отыскать в маленьком тельце хоть какой-то шанс на жизнь. Что пользы быть седьмым сыном седьмого сына, если единственный, кого ты неспособен исцелить — это твой первенец?

В первые дни после его смерти Элвин и Пегги не отходили друг от друга, но потом она начала отдаляться, избегать его. В конце концов он понял, что она просто боится забеременеть снова. Тогда он поговорил с ней, сказал, что от беды не скроешься — многие люди теряют детей, даже

тех, что уже подросли немного. Надо пытаться снова и снова, чтобы было чем утешиться при мысли о маленькой могилке.

«Я выросла, глядя на две такие могилки, — сказала она. — И знала, что родители, глядя на меня, видят двух моих сестер, носивших то же самое имя».

«Ты была светлячком и потому знала больше, чем полагается знать ребенку. Наша малышка скорее всего светлячком не станет. Все, что она будет знать, это как мы ее любим и как мы хотели, чтобы она родилась».

Элвин не знал, убедил ли он Пегги или она согласилась снова завести ребенка только ради него. Во время второй беременности она, как и в первый раз, разъезжала по всей стране и боролась за освобождение рабов, стараясь при этом, чтобы оно не привело к войне. Элвин в ее отсутствие оставался в Церкви Вигора и учил желающих началам созидания.

Оставался, пока она не давала ему какого-нибудь поручения. Вот и теперь Пегги отправила его вниз по реке в Нуэва-Барселону, хотя в глубине души ему хотелось побыть дома с ней вместе и позаботиться о ней.

Она, будучи светочем, прекрасно знала, чего он

хочет, — стало быть, сама хотела как раз обратного: пожить врозь.

С этим Элвин мог примириться, что не мешало ему отыскивать ее на грани сна и засыпать, лишь когда в нем затеплятся два сердечных огня — ее и ребенка.

Элвин проснулся в темноте, поняв, что происходит что-то неладное. Рядом с ним горел чей-то сердечный огонь, и он слышал тихое дыхание крадущегося к нему человека. Запустив «жучка», он определил, что тот тянется к котомке, которую Элвин обхватил рукой.

Кража? Чертовски глупая затея на борту парохода, если у незнакомца именно это на уме. Разве только он превосходный пловец и способен добраться до берега с тяжелым золотым лемехом.

Нож злоумышленника висел на поясе, и тот пока не собирался его доставать. Элвин, учитывая это, произнес как можно тише:

— Если вы ищете что-нибудь съедобное, дверь с той стороны.

Ох, как подскочило при этом сердце у незнакомца! И первым делом он схватился за нож — это движение, как отметил Элвин, было у него хорошо отработано.

Впрочем, он почти сразу взял себя в руки. Эл-

вин догадывался почему — ночь была темная, и незнакомец полагал, что Элвин видит в темноте не лучше его самого.

— Уж очень вы сильно храпели. Я просто хотел перевернуть вас на другой бок.

Элвин знал, что он врет. Когда Пегги давно уже пожаловалась на его храп, Элвин разобрался, отчего люди храпят, и преобразовал свою носоглотку так, чтобы не производить больше подобного шума. Он взял за правило не пользоваться даром ради собственного блага, но счел, что от храпа нужно избавиться ради других — ему-то это спать не мешало.

Однако он не подал виду и сказал:

— Спасибо. Но сплю я чутко, и если попросить меня повернуться, я тут же послушаюсь. Жена всегда так делает.

И тут незнакомец беззастенчиво признался в своих намерениях:

— Знаете, когда человек так прижимает свою котомку к себе, других так и разбирает поглядеть, что у него там такое.

— Когда я не прижимаю ее к себе, других разбирает не меньше, и так им куда сподручнее подобраться к ней в темноте и познакомиться с ней поближе.

— Больше, полагаю, вы мне ничего не скажете?

— На вежливый вопрос я всегда готов ответить.

— Но поскольку спрашивать, что лежит у вас в котомке, невежливо, вы не станете отвечать.

— Приятно познакомиться с человеком, знающим толк в хороших манерах.

— Хорошие манеры и нож, который не ломается у черенка, — вот что помогает мне жить в этом мире.

— Мне вполне достаточно хороших манер. А нож ваш мне нравился больше в ту пору, когда еще был напильником.

Незнакомец одним прыжком отскочил к двери, выхватив нож.

— Кто ты и что обо мне знаешь?

— Ровно ничего, сэр. Но я кузнец и вижу, когда нож переделывают из напильника. По мне, это скорее меч, а не нож.

— Я ни разу не доставал нож на этом пароходе.

— Рад это слышать. Но когда вы спали, а я вошел, было светло, и я хорошо рассмотрел ножны у вас на поясе. Нож не бывает таким толстым у основания, и пропорции у него в самый раз для напильника.

— С виду это невозможно определить. Вы что-то слышали. Кто-то распустил свой язык.

— Люди всегда говорят, но не обязательно про вас. Просто я хорошо знаю свое дело, а вы, полагаю, знаете свое. Меня зовут Элвин.

— Элвин Смит,[2] э?

— Мне повезло в жизни: я получил имя. Держу пари, что и у вас оно есть.

Незнакомец усмехнулся и спрятал нож.

— Джим Бови.

— Ваша-то фамилия как будто не от ремесла образована.

— Это шотландское слово. Означает «светловолосый».

— Но у вас волосы темные.

— Ну, первый Бови, ручаюсь, был белокурый викинг. Ему понравилась Шотландия, когда он разбойничал там, вот он и остался.

— Его дух, наверно, возродился в ком-то из потомков, и тот переплыл еще одно море.

— Я сам викинг до мозга костей. Вы правильно угадали насчет ножа. Пару лет назад я присутствовал на дуэли — дело было на окраине Натчеза, около кузницы. Оба промахнулись, и

---

[2] Примечания: 2

Смит (Smith) — по-английски «кузнец»; самая распространенная англоязычная фамилия. — Примеч. пер.

все пошло кувырком — люди, знаете, собрались поглядеть на кровь, а тут такое разочарование. Один парень прострелил мне ногу, и я вроде бы выбыл из борьбы, но тут увидел, что майор Норрис Райт связался с парнишкой наполовину меньше его и наполовину моложе. Это меня так взбесило, что я позабыл про рану, а кровь из меня хлестала, как из резаной свиньи. Но я обезумел, схватил кузнечный напильник и вонзил ему прямо в сердце.

— Для этого большая сила нужна.

— А то! Я ведь не промеж ребер его вогнал, а прямо сквозь ребро. Мы, викинги, обретаем силу великанов, когда нас охватывает безумие боя.

— Ваш нож сделан из того самого напильника, верно?

— Один ножовщик в Филадельфии переделал его для меня.

— Обточил, не перековал.

— Точно.

— Этот нож вам приносит удачу.

— Ну, я не умер пока.

— Да, тут без удачи не обойтись, учитывая вашу привычку подкрадываться к спящим и осматривать их багаж.

Улыбка на лице Бови погасла.

— Что ж поделать, если я такой любопытный.

— Понимаю. У меня тот же порок.

— Теперь ваша очередь.

— Очередь? И что же я должен сделать?

— Рассказать вашу историю.

— Мою? У меня при себе только свежевальный ножик, но он сослужил мне хорошую службу в диких краях.

— Вы же знаете, я не об этом спрашиваю.

— Ну а я рассказываю об этом.

— Я вам рассказал про свой нож, а вы расскажите про свою котомку.

— Про нож вы всем рассказываете, чтобы не так часто пускать его в ход. А я про котомку не рассказываю никому.

— Этим вы только любопытство разжигаете в людях. А кое у кого могут возникнуть и подозрения.

— Время от времени такое случается. — Элвин свесил ноги с койки и встал. Он уже прикинул на глаз габариты Бови и знал, что сам он дюйма на четыре выше, что руки у него длиннее и плечи шире — недаром же он кузнец. — Но моя милая улыбка рассеивает все подозрения.

— Да, детина ты будь здоров! — засмеялся Бови. — И никого не боишься.

— Я много кого боюсь. Особенно людей, которые вгоняют напильники сквозь ребро прямо в сердце.

— Странное дело, — задумчиво сказал Бови. — Меня в жизни многие боялись — но чем больше они боялись, тем реже признавались, что боятся. Ты первый, кто прямо сразу так и сказал. Это что же выходит — ты боишься меня больше всех? Или совсем не боишься?

— Я вам вот что скажу: держитесь подальше от моей котомки, и нам не придется это выяснять.

Бови засмеялся опять, но его мимика больше напоминала оскал дикой кошки.

— Нравишься ты мне, Элвин Смит.

— Приятно слышать.

— Я знаю человека, которому как раз такие ребята требуются.

Стало быть, этот Бови входит в компанию Тревиса, подумал Элвин.

— Если вы про мистера Тревиса, то мы с ним уже условились, что он пойдет своей дорогой, а я своей.

— Вон оно что, — сказал Бови.

— Вы к нему только в Фивах присоединились?

— Про нож я тебе рассказал, но про свои планы не стану рассказывать.

— Ну, а я из своих секрета не делаю. Я планирую снова лечь спать и попытаться досмотреть сон, который вы прервали, вознамерившись прекратить мой храп.

— Хорошая мысль, — одобрил Бови. — А поскольку я ночью совсем не спал из-за твоего храпа, то займусь тем же самым, пока солнышко не взойдет.

Элвин лег и прижал котомку к себе. К Бови он повернулся спиной, но, конечно, оставил в нем своего «жучка» и мог следить за каждым его движением. Тот долго стоял, глядя на Элвина, и Элвин по биению его сердца и бурной циркуляции крови видел, что тот неспокоен. Что им владело — гнев или страх? Трудно об этом судить, когда лица не видно, да и тогда нелегко. Но его сердечный огонь дал Элвину понять, что Бови принимает какое-то решение.

Не скоро ему удастся уснуть, коли он так взбудоражен. С этой мыслью Элвин проник в Бови и стал успокаивать его.

умеряя его сердцебиение и выравнивая дыхание. Многие думают, что тело всегда откликается на эмоции, но Элвин знал, что бывает и наоборот. Тело ведет, а эмоции подчиняются.

Через пару минут Бови начал зевать, а там и

уснул вскоре — не сняв ножа и держа руку поблизости от него.

Интересные, однако, друзья у этого Тревиса.

Артура Стюарта переполняла самоуверенность. Но если ты это чувствуешь и компенсируешь нахальство повышенной осторожностью, ничего дурного с тобой произойти не должно, так ведь? Разве только когда твоя заносчивость преувеличивает в тебе сознание собственной безопасности.

У миз Пегги это называлось «рассуждать вкруговую». Такие рассуждения не приводят никуда — или приводят куда угодно. Думая о миз Пегги, Артур всегда чувствовал себя виноватым из-за того, как он говорит. Да только что пользы говорить правильно? Мулат, навострившийся говорить как джентльмен, — да на него будут смотреть, как на дрессированную обезьяну. Как на собаку, которая ходит на задних лапах. Джентльменом он от этого все равно не станет.

Потому-то он и ведет себя так нахально — вечно ему хочется что-то доказать. Но только не Элвину.

Нет, Элвину в первую очередь, Потому что тот обращается с ним как с мальчишкой, хотя Артур взрослый мужчина. Как с сыном, хотя Артур

ничей.

Все эти мысли тоже ни к чему, когда тебе необходимо вынести вонючую кадку, провозившись с этим как можно дольше — надо же выяснить, кто из рабов говорит по-английски или по-испански.

— Quien me compreende? — прошептал Артур. («Кто меня понимает?»)

— Todos te compreendemos, pero calle la boca, — ответил ему третий с краю. («Мы все тебя понимаем, только рот закрой».) — Los blancos piensan que hay solo uno que hable un poco de ingles.

Надо же, как он тарахтит — и выговаривает совсем не так, как кубинец. Но Артур уже обрел чувство языка и понимал, в общем, все. Они все говорят по-испански, но притворяются, будто только один из них немного знает английский.

— Quieren fugirde ser esclavos? («Хотите стать свободными?»)

— La unica puerta es la muerta. («Единственный способ — это смерть».)

— Al otro lado del rio hay rojos que son amigos nuestros. («На той стороне реки живут краснокожие — они наши друзья».), — сказал Артур.

— Sus amigos no son nuestros. («Ваши друзья — не наши друзья».)

Другой пленник кивнул.

— Y ya no puedo nadar. («Я все равно не умею плавать».)

— Los blancos, que van a hacer? («Что собираются делать белые?»)

— Piensan en ser conquistadores. («Конквистадорами себя считают» — эти люди, как видно, не слишком высокого мнения о своих хозяевах.) — Los Mexicos van comer sus corazones. («Мексиканцы сожрут их сердца».)

— Tu hablas como cubano, — включился в беседу еще один. («Ты говоришь как кубинец».)

— Soy americano. Soy libre. Soy… — Артур не успел еще выучить, как будет по-испански «гражданин». — Soy igual. («Я равный».) Не совсем, правда, но все-таки более равный, чем вы.

Несколько рабов усмехнулись, услышав это.

— Ya hay vista, tu dueño. — Артур понял только «dueño» — хозяин.

— Es amigo, no dueño. («Он мне друг, а не хозяин».)

Это их насмешило, но смеялись они потихоньку, поглядывая на стражника, который дремал, привалившись к стене.

— Me de promesa. («Обещайте мне».) Cuando el ferro quiebra, no se maten. No salguen sin ayuda. («Когда железо сломается, не убивайте себя», —

хотел сказать Артур — но, возможно, это означало «не дайте себя убить». — «И не уходите без помощи».) Пленники смотрели на него в полнейшем недоумении.

— Voy quebrar el ferro, — повторил он. («Я хочу сломать железо».)

Один из них с насмешкой протянул к нему руки, звякнув цепью. Другие с тревогой покосились на стражника.

— No con la mano, — сказал Артур. — Con la cabeza.

Пленники разочарованно переглянулись. Артур знал, о чем они думают: этот парень просто спятил — вообразил, что может ломать железо если не руками, то головой. Но лучшего объяснения он им дать не мог.

— Mañana, — сказал он, («До завтра».) Они закивали в ответ, явно не веря ему.

Вот тебе и выучил испанский! Хотя дело, возможно, в другом — они просто никогда не слыхали о созидании и не знают, что человек способен ломать железо силой своего разума.

Артур знал, что ему это под силу. Это был простейший урок Элвина, но он только недавно понял, что Элвин имел в виду, говоря о проникновении в металл. До сих пор Артуру казалось,

что для этого надо сильно напрячься мысленно, а оказалось, что совсем не так. Все гораздо проще. Как с иностранным языком. Пробуешь его на вкус и начинаешь чувствовать. Ты чувствуешь, например, что хотя «mano» оканчивается на «о», впереди надо ставить артикль «la», а не «el». Просто знаешь, что так надо, и все.

В Карфаген-Сити он дал торговцу, продававшему плюшки, двадцать пять центов, а тот зажилил сдачу. Вместо того чтобы орать на него — разве мыслимо, чтобы цветной подросток орал на белого человека? — Артур просто подумал о монетке, которую все утро держал в кулаке: какая она была теплая и как хорошо было ее ощущать. Он точно проник в ее металлическую сущность, как проникал в музыку языка. И, продолжая думать о ней, представил себе, что она становится все теплее…

Он продолжал представлять себе это, а торговец вдруг завопил и начал хлопать себя по карману, куда положил четвертак.

Монета жгла его!

Продавец попытался выудить монетку, но она обожгла ему пальцы. Тогда он скинул пиджаки при всем честном народе спустил штаны вместе с подтяжками. Монета, выкатившись из кармана,

зашипела, деревянный тротуар задымился.

Торговца занимало только одно — ожог у него на ляжке. Артур представил, что монетка остыла, поднял ее и сказал:

— Мне еще сдача причитается.

— Убирайся вон, черный дьявол! Проклятый колдун. Проклинать деньги, которые даешь человеку — все равно что воровать.

— Смешно такое слышать от человека, который берет с тебя четвертак за пятицентовую булочку.

В разговор вмешались прохожие.

— Четвертак у парня хотел зажать, да?

— На то закон есть, хоть парень и черный.

— Воруешь у тех, кто ответить не может.

— Подтяни штаны-то, болван!

В итоге Артур получил сдачу с четвертака и хотел вернуть жулику его пять центов, но тот его и близко не подпустил.

«Ну что ж, я пытался, — подумал Артур Стюарт. — Я не вор. Я творец, вот я кто».

Не такой, как Элвин, конечно, но монету он, черт побери, раскалил, да так, что она чуть карман тому малому не прожгла.

«Если я это могу, то и всему остальному смогу научиться», — думал Артур — это и вселяло в него такую самоуверенность. Каждый день он прак-

тиковался на любых металлических предметах, которые ему попадались. Плавить железо, конечно, ни к чему — рабы ему спасибо не скажут, если он, снимая с них цепи, сожжет им запястья и лодыжки.

Он хотел просто размягчить металл, не раскаляя его. Это куда труднее, чем просто нагреть. Он то и дело ловил себя на том, что опять напрягается, пытаясь навязать металлу мягкость. Но стоило ему расслабиться и ощутить металл в голове, как песню, он постепенно опять начинал понимать, как это нужно делать. Он размягчил пряжку собственного ремня так, что мог гнуть ее, как ему хотелось. В конце концов он снова придал ей форму пряжки, чтобы штаны не свалились.

Но пряжка была медная, а медь от природы мягче железа. И даже с ней Артур добился успеха совсем не скоро. А вот Элвин однажды у него на глазах размягчил ствол ружья в тот самый миг, когда владелец этого ружья в него выстрелил.

Артур пока делает это медленно, а рабов между тем двадцать пять человек, и у каждого по два железных браслета — на ноге и на руке, — и надо, чтобы все они дождались, пока последний из них не станет свободным. Если кто-то побежит раньше времени, схватят всех.

Он, конечно, мог попросить о помощи Элвина, но тот уже дал ему свой ответ. Пусть остаются рабами, вот как решил Элвин. Но Артур этого не допустит. Судьба этих людей в его руках. Он теперь по-своему тоже творец, и ему решать, когда ждать, а когда действовать. Он не умеет исцелять болезни, как Элвин, и подчинять себе животных, и превращать воду в стекло. Но железо он, черт возьми, размягчать умеет и непременно освободит этих людей.

Завтра ночью.

На следующее утро они из Гайо вошли в Миззипи, и Элвин впервые за многие годы увидел над рекой туман Тенскватавы.

В него входишь, как в стену. На ясном небе ни облачка, и когда смотришь вперед — ничего особенного. Так, легкая дымка. И вдруг ты уже видишь не дальше чем на сто ярдов перед собой — в том случае, если движешься вверх или вниз по реке. Если вздумаешь переправиться на правый берег, тебе покажется, что ты ослеп — ты не увидишь даже носа собственной лодки.

Это ограда, поставленная Тенскватавой для зашиты краснокожих, ушедших на запад после того, как Такумсе проиграл свою войну. Все краснокожие, не желавшие жить по закону белого

человека, все, кто покончил с войной, переправились на запад, и Тенскватава закрыл за ними дверь.

О западных землях Элвин слышал от трапперов, которые бывали там раньше. Они говорили, что горы там скалистые и такие высокие, что снег на вершинах не тает даже в июне. Там есть места, где горячая вода сама собой бьет из земли на пятьдесят футов вверх, а то и выше. Там пасутся стада бизонов — они могут идти мимо тебя целые сутки, и назавтра их будет не меньше, чем вчера. Там есть прерии, пустыни и сосновые леса, а высоко в горах, как алмазы, таятся озера — если заберешься туда, к вечным снегам, тебе нечем будет дышать.

И все это теперь — земля краснокожих, куда белых никогда больше не допустят. Для того над рекой и стоит туман.

Да только для Элвина это не преграда. Если бы он захотел, то мог бы рассеять туман и перебраться на тот берег. И никто бы его не тронул. Так повелел Тенскватава, и нет среди краснокожих ни одного, кто нарушил бы волю пророка.

Он даже подумывал высадиться на берег, подождать, когда пароход уйдет, а потом достать каноэ и найти на том берегу своего старого друга

и учителя. Славно было бы потолковать с ним о том, что творится в мире. Обсудить слухи о грядущей войне между Соединенными Штатами и Королевскими Колониями — а может быть, между свободными штатами и рабовладельческими. Обсудить возможность войны с Испанией ради захвата устья Миззипи и возможность войны Королевских Колоний с Англией.

Теперь возник новый слух — о войне с Мексикой. Что сказал бы на это Тенскватава? У него, наверное, много своих забот — возможно, как раз теперь он старается объединить всех краснокожих, чтобы повести их на юг и защитить свои земли против народа, который вырывает пленным сердца на вершинах усеченных пирамид в угоду своему богу.

Элвин думал об этом, стоя у поручней правого борта — штирборта, хотя непонятно, зачем речникам такие мудреные слова вместо простых «право» и «лево». Он стоял там, смотрел в туман и видел не больше, чем любой другой человек, как вдруг его внутренний глаз засек на реке два сердечных огня.

Они крутились на самой середине реки, не различая, где вверх, а где низ, и им было страшно. Элвин понял это в одно мгновение. Двое на

плоту, а плот без дифферента, с носовым креном. Неопытные, стало быть, и плот у них самодельный. Руль сломался, и они теперь не знают, как направлять плот вниз по реке. Они брошены на волю течения и не видят, что происходит в пяти футах от них.

«Королева Язу», конечно, производит достаточно шума, но туман обладает свойством глушить звуки. И даже если эти двое услышат пароход, разве они поймут, что это? Перепуганные люди могут подумать, что по реке плывет какое-то чудовище.

Как же Элвину быть со всем этим? Как заявить, что он видел то, чего никто другой не видит? Течение здесь слишком сильное для него — он не сможет его преодолеть, чтобы подвести плот поближе.

Придется немного приврать. Элвин повернулся и крикнул:

— Слышите? Видите их? Плот потерял управление! Там люди, их крутит на одном месте, и они взывают о помощи!

Капитан и рулевой вместе перегнулись с мостика, и рулевой заявил:

— Я ничего не вижу!

— Я их видел секунду назад, — пояснил Эл-

вин. — Недалеко отсюда.

Капитан Ховард понимал, куда ветер дует, и его это не устраивало.

— Я не поведу «Королеву Язу» еще глубже в этот туман! Нет, сэр! Прибьются к берегу чуть пониже — это их дело, не наше.

— Речной закон! — возразил ему Элвин. — Люди терпят бедствие!

Рулевой молчал. Закон действительно обязывал оказывать помощь в таких случаях.

— Я не вижу никого, кто терпел бы бедствие, — упорствовал капитан.

— Поворачивать пароход нет нужды. Дайте мне шлюпку, и я привезу их.

Это капитана тоже не устраивало, но рулевой был человек порядочный, и скоро Элвин уже сидел в спущенной на воду шлюпке.

Не успел он отчалить, в лодку свалился мешком Артур Стюарт.

— В жизни не видел, чтобы люди прыгали так неуклюже, — сказал Элвин.

— Хочешь, чтобы я пропустил самое интересное? Ну уж нет!

— Не спешите так, мистер Смит, — окликнул сверху Джим Бови. — Двое сильных мужчин в таком деле лучше одного. — И тоже прыгнул — до-

вольно ловко, учитывая, что он был лет на десять старше Элвина и лет на двадцать — Артура. Он легко опустился на ноги, и Элвин подумал: «Интересно, какой у него талант?» Смертоубийство для этого человека, возможно, только побочный промысел. Уж очень он легок — как пух.

Бови с Элвином сели на весла. Артур сидел на корме, таращил глаза и все время спрашивал:

— Далеко еще?

— Их могло отнести течением, — сказал Элвин, — но они где-то тут.

Видя скептическую мину Артура, он сделал такие глаза, что до парня наконец дошло.

— Кажется, я их вижу, — тут же выпалил он, подыгрывая Элвину.

— Вы ведь не собираетесь плыть до того берега, чтоб краснокожие нас прикончили? — осведомился Бови.

— Нет, — заверил его Элвин. — Я видел этих ребят, как вас вижу, и не хочу, чтоб их смерть была на моей совести.

— Так где же они, по-вашему?

Элвин, конечно, знал где, и по возможности греб прямо к ним. Трудность заключалась в том, что Бови греб немного в другом направлении. Оба гребца сидели к плоту спиной, и Элвин не

мог даже притвориться, что видит его. Он лишь старался работать веслами немного сильней, чем Бови.

Артур, глядя на них, закатил глаза.

— Может, вы перестанете делать вид, что верите друг дружке, и будете грести в одну сторону?

Бови на это засмеялся, Элвин вздохнул.

— Ничего вы не видели, — сказал Бови. — Я наблюдал за вами — вы смотрели прямо в туман.

— Вот, значит, почему вы поехали с нами.

— Надо же было выяснить, на что вам лодка.

— Я хочу спасти двух парней на плоту, которых крутит течение.

— Продолжаете настаивать, что это правда?

Элвин кивнул, и Бови опять засмеялся:

— Выходит, провели вы меня.

— Тогда позвольте мне еще немного побыть ведущим. Чуть правее, пожалуйста.

— Такой у вас, значит, дар? Видеть в тумане?

— Похоже на то, разве нет?

— Не совсем. В вас есть много такого, что простым глазом не видно.

— Да неужели? — Артур с подчеркнутым удивлением оглядел плотную фигуру Элвина.

— А ты вовсе не раб. — Это Бови произнес уже без смеха, и Элвин с Артуром почуяли беду.

— Раб, — сказал Артур Стюарт.

— Ни один раб не посмеет так отвечать белому, дубина. По твоему языку сразу видно, что кнута ты не пробовал.

— Это вы хорошо придумали — сопровождать нас, — заметил Элвин.

— Можете не беспокоиться. У меня у самого есть секреты, и чужие я тоже хранить умею.

«Уметь-то умеешь, но вот сохранишь ли?»

— Не такой уж это страшный секрет, — сказал Элвин. — Я отвезу парня на север и вернусь назад другим пароходом.

— Судя по рукам и плечам, ты точно кузнец. Но ни один кузнец, глядя на зачехленный нож, не сможет сказать, что он переделан из напильника.

— Я хорошо знаю свое ремесло, — сказал Элвин.

— Элвин Смит. Пора бы тебе путешествовать под другим именем.

— Отчего так?

— Ты тот самый кузнец, что несколько лет назад убил пару ловчих.

— У моей жены эти ловчие убили мать.

— Да чего там… Ни один суд не вынесет тебе приговора, как и мне за мои дела. Мне сдается, у

нас с тобой много общего.

— Меньше, чем вы думаете.

— Тот же Элвин Смит сбежал от своего хозяина, прихватив с собой одну вещь.

— Ложь. И он знает, что это ложь.

— Уверен, что знает, — но так говорят.

— Не всякому слуху верь.

— И то верно. Что-то ты уже не так налегаешь на весла, а?

— Думается, нам лучше не спешить, пока мы не закончили свой разговор.

— Я просто пытаюсь сказать тебе кое-что — заметь, по-хорошему. Я, кажется, знаю, что ты носишь в своей котомке. Ты должен быть большим умельцем, если слухи не врут.

— И что же я, по-вашему, такое умею? Летать?

— Говорят, ты умеешь железо превращать в золото.

— Здорово было бы, правда?

— Будешь отрицать?

— Железо я умею превращать только в подковы и дверные петли.

— Но один-то раз это тебе удалось?

— Нет, сэр. Говорю вам, все это выдумки.

— Я тебе не верю.

— Вы хотите сказать, что я лгу?

— Не обижайся только, ладно? Я много раз дрался на дуэли и всегда побеждал.

Элвин промолчал. Бови тяжело и пристально посмотрел на Артура Стюарта, а затем промолвил:

— Вот оно что.

— О чем вы? — спросил Артур.

— Ты меня не боишься.

— Боюсь, — возразил Артур.

— Ты боишься, что я про тебя знаю, но не боишься, что я вызову твоего мнимого хозяина на дуэль.

— Очень даже боюсь.

Бови в один миг бросил весла, выхватил нож и приставил его прямо к горлу Элвина — но от ножа к тому времени осталась одна рукоять.

Улыбка медленно сползла с лица Бови, когда он осознал, что его драгоценный нож, бывший прежде напильником, лишился клинка.

— Ты что наделал? — вскричал он.

— Забавный вопрос для человека, который собирался меня убить.

— Я хотел только попугать тебя. Не надо было делать такое с моим ножом.

— Чужие намерения я разгадывать не умею. Беритесь за весла.

Бови повиновался.

— Этот нож приносил мне удачу.

— Стало быть, кончилась она, ваша удача.

— Думать надо, кому грозите ножом, мистер Бови, — вставил Артур.

— Я хотел только сказать, что ты именно тот человек, который нам нужен. Незачем было ломать мой нож.

— В следующий раз, когда соберетесь привлечь человека на свою сторону, не тычьте в него ножом, — сказал Элвин.

— И не угрожайте раскрыть его секреты, — добавил Артур.

Бови, который до сих пор просто дулся, встревожился:

— Да я и не говорил, что знаю ваши секреты. Догадывался, и только.

— Итак, Артур Стюарт, мистер Бови только что сообразил, что находится на середине реки, в тумане, вместе с двумя людьми, чьи секреты он угрожал раскрыть.

— Тут призадумаешься, — сказал Артур.

— Просто так вы меня из лодки не выкинете, — предупредил Бови.

— Я не желаю вам зла, потому что я на вас не похож, — сказал Элвин. — Я убил человека только

однажды, в приступе горя и ярости, и с тех пор не перестаю сожалеть об этом.

— Я тоже, — сказал Бови.

— Вы этим гордитесь. Вы сберегли орудие убийства и сделали его своим талисманом. Мы с вами совсем не похожи.

— Пожалуй.

— И если бы я захотел убить вас, мне не пришлось бы выбрасывать вас из лодки.

Бови опять бросил весла и поднес дрожащие руки к горлу.

— Дыхание перехватило? — спросил Элвин. — Но ведь вам никто не мешает. Дышите же! Вдох — выдох. Вы всю свою жизнь это делали.

Бови не то что задыхался — он просто не мог подчинить себе собственное тело.

Элвин не стал дожидаться, когда Бови посинеет, — он всего лишь дал ему почувствовать свое бессилие. Потом тот просто вспомнил, как надо дышать, и втянул в себя воздух.

— А теперь, когда мы установили, что вам нечего меня опасаться, — сказал Элвин, — давайте спасем двух ребят на самодельном плоту без дифферента.

И в белой пелене перед ними, в каких-нибудь пяти футах, возник плот. Еще один взмах веслами

— и они стукнулись об него. Только в это мгновение двое на плоту их заметили.

Артур перебрался на нос с кормовым концом и перескочил на плот.

— Слава Богу! — воскликнул один из двоих терпящих бедствие.

— Вы прибыли как нельзя более вовремя, — сказал другой, выше ростом, помогая Артуру закрепить канат. — Плот ненадежный, а в таком тумане даже окрестностей не видно. Так себе поездочка, надо сказать.

— Рад видеть, что вы не пали духом, — засмеялся Элвин.

— Мы молились и пели гимны, — заверил длинный.

— Это сколько же росту в вас будет? — спросил, запрокинув голову, Артур.

— Я на голову выше собственных плеч, но подтяжек вполне хватает.

Нельзя было не почувствовать симпатии к этому человеку, и это сразу вызвало у Элвина подозрения. Если у него такой дар, то доверять ему опасно. Но в том-то и штука с такими людьми: ты не доверяешь им, и в то же время они тебе нравятся.

— Вы, часом, не адвокат? — спросил Элвин. Они

уже приготовились взять плот на буксир.

Незнакомец выпрямился во весь свой рост и поклонился — такого неуклюжего поклона Элвин еще в жизни не видел. Одни колени и локти, сплошные углы, даже лицо напрочь лишено плавных линий. Этот малый настоящий урод. Надбровья выдаются, как у обезьяны, и все же… смотреть на него не противно, а улыбка у него на редкость теплая и приветливая.

— Авраам Линкольн из Спрингфилда к вашим услугам, джентльмены.

— А я Куз Джонстон из Спрингфилда, — представился другой.

— «Куз» — значит «кузен», — пояснил Линкольн. — Его все так зовут.

— Теперь стали звать, — уточнил Куз.

— Кузен? А чей? — спросил Артур.

— Только не мой, — ответил Линкольн. — Но он вылитый кузен, правда? Воплощение родственности, квинтэссенция седьмой воды на киселе. Начав звать его Кузом, я только подтвердил очевидное.

— Вообще-то я сын второй жены его отца от первого брака, — внес ясность Куз.

— Вследствие этого мы друг другу сводные никто, — сказал Авраам.

— Я особенно благодарен вам, ребята, за то, — взял слово Куз, — что мне теперь не придется выслушивать до конца самую невероятную басню, которую когда-либо плел старина Эйб.

— Никакая это не басня. Я слышал ее от человека по прозвищу Сказитель. Он поместил ее в свою книгу и не сделал бы этого, не будь она правдивой.

У «старины Эйба», который выглядел не более чем на тридцать, был острый глаз, и он сразу заметил, как переглянулись Элвин с Артуром.

— Вы его знаете? — спросил он.

— Он правдивый человек, это верно, — сказал Элвин. — Какую же историю он рассказал вам?

— О рождении одного ребенка. О трагической гибели его старшего брата — его убило несущееся по течению дерево, когда он спасал свою мать. Фургон застрял на середине реки, а у нее как раз начались роды. Однако он умер не сразу и прожил достаточно долго, чтобы новорожденный мог считаться седьмым сыном седьмого сына, у которого живы все братья.

— Возвышенная история, — сказал Элвин. — Я сам прочел ее в той книге, о которой вы говорили.

— И вы верите в нее?

— Верю.

— Я же не говорил, что это неправда, — вмешался Куз. — Просто это не та история, которую хочется слушать, когда тебя несет вниз по течению в миссипском тумане.

Эйб Линкольн пропустил это мимо ушей.

— Вотя и говорю Кузу: Миссипи еще милости во обошлась с нами по сравнению с тем, как поступила куда более мелкая речка с героями этого рассказа. А тут и вы подоспели — выходит, река проявила великую доброту к двум никудышным плотовщикам.

— Плот сами делали? — спросил Элвин.

— У нас руль сломался, — сказал Эйб.

— А запасной?

— Я не знал, что он понадобится. Но если нам суждено попасть на берег, я его сделаю.

— Умеете работать руками?

— Не сказал бы. Но буду трудиться, пока не добьюсь своего.

— Не мешало бы и над плотом потрудиться, — рассмеялся Элвин.

— Буду признателен, если покажете, что с ним не так. Я сам ни черта не вижу — плот как плот.

— Сверху да, а вот под ним кое-чего не хватает. На корме должен быть дифферент, чтобы она

оставалась кормой. А спереди плот у вас перегружен, вот он и вертится.

— Чтоб мне провалиться! — сказал Эйб. — Не гожусь я в лодочники.

— Мало кто годится, — заметил Элвин. — Исключение — наш друг мистер Бови. Ни одной лодки не пропустит, хлебом его не корми, только дай погрести.

Бови натянуто улыбнулся. Плот теперь плыл за ними, и им с Элвином хочешь не хочешь приходилось тащить его по реке.

— Вы бы стали чуть дальше назад, — деликатно предложил потерпевшим Артур Стюарт. — Тогда плот перестанет так зарываться в воду, и его будет легче тянуть.

Сконфуженные Эйб и Куз поспешили выполнить его просьбу. Густой туман делал их почти невидимыми и глушил звуки, сильно затрудняя беседу.

Пароход они догоняли долго. Хорошо еще, что рулевой, добрая душа, шел тихим ходом, несмотря на гнев капитана Ховарда из-за потерянного времени. Спасатели и спасенные услышали шум колеса, и перед ними выросла «Королева Язу».

— Чтоб меня ощипали и поджарили! — вскричал Эйб. — Какой замечательный у вас пароход.

— Увы, не у нас, — сказал Элвин.

Артур Стюарт заметил, как проворно Бови взобрался на палубу и растолкал всех собравшихся, хлопавших его по плечу, как героя. Артур его не винил, но Бови, хотя Элвин порядком напугал его на реке, все-таки представлял опасность для них обоих.

Когда шлюпку подняли, а плот закрепили у борта, пассажиры принялись задавать обычные дурацкие вопросы — например, как они нашли друг друга в знаменитом тумане над Миззипи.

— Все вышло, как я сказал, — рассказывал Элвин. — Они были совсем близко, но все-таки пришлось их поискать.

Эйб Линкольн слушал его с усмешкой и ни слова не сказал поперек, но Артур видел, что этот человек далеко не дурак. Он знал, что плот был отнюдь не близко от парохода, и заметил, что Элвин греб прямиком к «Королеве Язу», как будто видел ее.

Что бы Эйб ни думал об этом, вскоре он уже рассказывал всем желающим, какого дурака свалял, строя плот, и как они с Кузом ополоумели от бесконечного кружения в тумане.

— Меня так скрутило, что мы вдвоем полдня распутывали мне руки-ноги и выкапывали голо-

ву из подмышки. — Несмешная, в общем, история в его изложении звучала так, что все со смеху покатывались, но вряд ли у нее был шанс попасть в книгу Сказителя.

Ночью они сделали остановку в довольно большом порту. Народ все время сновал взад-вперед, поэтому Артур временно отказался от плана освободить рабов-мексиканцев.

Вместо этого они с Элвином отправились в кают-компанию послушать лекцию. Читал ее Кассиус Марселлус Клей, известный противник рабства, не боявшийся выступать в самом сердце рабовладельческих штатов. Но делал он это, как отметил Артур Стюарт, довольно ловко. Он не обличал рабство как ужасающий грех — он говорил о том, какой вред приносит оно семьям самих рабовладельцев.

— Каково это — растить детей в убеждении, что их руки никогда не будут знать никакого труда? Что будет, когда отец состарится, а дети, не приученные к труду, начнут тратить его деньги, не думая о завтрашнем дне?

И разве эти дети, видевшие, как их ближними, какого бы цвета ни была их кожа, помыкают, ни во что не ставя их труд и свободу, — разве не сочтут они своего престарелого отца вещью,

утратившей всякую ценность? Вещью, которую выбрасывают на свалку? Ибо, если к одной категории людей относятся как к товару, отчего бы детям не приучиться делить всех людей на полезных и бесполезных, которых следует выбросить вон?

Артур слышал многих аболиционистов, но этот всем утер нос. Рабовладельцы не кипели желанием вывалять его в смоле и перьях, по меньшей мере — нет, они сконфуженно переглядывались, думая, возможно, о собственных детях, ни на что не годных оболтусах.

Но в конечном счете польза от речей Клея невелика, решил Артур. Что ж им теперь прикажете делать — отпустить своих рабов и перебраться на Север? Прямо как в Библии, где Иисус сказал богатому юноше: «Раздай имение свое нищим и иди за мной». Богатство этих людей измеряется рабами. Отказаться от них — значит сделаться бедными или по крайней мере перейти в средний класс, где приходится платить наемным рабочим. Нанимать, другими словами, чью-то спину, а не владеть ей. Ни у кого из них не хватит на это мужества — так, во всяком случае, думал Артур Стюарт.

Он, однако, заметил, что Эйб Линкольн слушает

оратора очень внимательно, с горящими глазами. Особенно когда Клей заговорил о сторонниках отправки черных обратно в Африку.

— Что сказали бы вы, если бы кто-то захотел отправить вас самих в Англию, Шотландию, Германию или любую другую страну, откуда приехали ваши предки? Все мы, богатые и бедные, свободные и невольники, теперь стали американцами. Нельзя отсылать в Африку рабов, чьи деды и прадеды родились на этой земле — Африка для них теперь не более родина, чем Китай или Индия.

Эйб кивал, слушая это, и у Артура сложилось впечатление, что до сих пор долговязый считал этот проект — взять и спровадить черных в Африку — наилучшим решением проблемы.

— А мулаты? Светлокожие метисы, в которых кровь европейцев и африканцев смешалась поровну? Их что же — надвое разделить, как железнодорожные пути, и каждую половину оправить на родину? Нравится вам это или нет, мы все перемешались на этой земле и приросли к ней. Порабощая темнокожего, вы порабощаете сами себя, ибо отныне вы прикованы к нему не менее крепко, чем он к вам, и его неволя формирует ваш характер точно так же, как его собствен-

ный. Сделайте темнокожего раболепным, и тот же процесс сделает вас тираном. Заставьте его дрожать от страха перед вами, и это превратит вас в чудовище. Выдумаете, ваши дети, видя вас таким, не будут бояться вас? Нельзя носить одну личину перед рабами и другую — перед своими близкими, если вы хотите, чтобы этим личинам кто-то верил.

После лекции, перед тем как разойтись спать, Элвин и Артур постояли немного у поручней, глядя на плот.

— Как можно после такой речи вернуться домой, — сказал Артур Стюарт, — и тут же не отпустить всех рабов на волю?

— Я же нот не отпускаю тебя, — заметил Элвин.

— Потому что ты только притворяешься моим хозяином, — шепотом парировал Артур.

— Тогда я мог бы притвориться, что отпускаю тебя, и это послужило бы другим хорошим примером.

— И что бы ты тогда со мной делал?

Элвин на это слегка улыбнулся, и Артур понял его.

— Я не говорю, что это легко, но если бы так поступили все…

— Все не поступят. Значит, тот, кто отпустит своих рабов, станет бедным, а кто не отпустит, останется богатым. И кто же получит власть в здешних краях? Тот, кто рабов сохранит.

— Выходит, надежды нет.

— Все должно произойти сразу, по закону, а не мало-помалу. Пока рабство хоть где-то разрешено, дурные люди будут владеть рабами и получать от этого выгоду. Надо запретить его — и дело с концом. Никак не могу добиться, чтобы это поняла Пегги. Вся ее пропаганда ни к чему не приводит: стоит кому-то перестать быть рабовладельцем, как он теряет всякое влияние среди тех, кто ими остался.

— Конгресс не может отменить рабство в Королевских Колониях, а король — в Штатах. Значит, как ни крути, где-то оно будет, а где-то нет.

— Будет война, — сказал Элвин. — Рано или поздно, когда свободным штатам опротивеет рабство, а рабовладельческие станут еще более зависимыми от него, с той или с другой стороны произойдет революция. Думаю, мы не дождемся освобождения, пока король не падет и его Колонии не войдут в состав Штатов.

— Этому никогда не бывать.

— Мне кажется, это все же произойдет, но кро-

вопролитие будет ужасным. Люди сражаются яростнее всего, когда даже самим себе не смеют признаться, что борются за неправое дело. — Элвин плюнул в воду. — Пошли спать, Артур Стюарт.

Но Артуру было не до сна. Речь Кассиуса Клея вызвала под палубой большое волнение, и многие из рабов сердились на Клея за то, что он заставил белых почувствовать себя виноватыми.

— Попомните мои слова, — говорил парень из Кенитука. — Когда они чувствуют свою вину, то единственный для них способ облегчить душу — это внушить себе, что так нам и надо, а если мы этого заслуживаем, то людишки мы хуже некуда и надо наказывать нас почаще.

Артуру это казалось чересчур заковыристым, но ведь он был совсем крохой, когда мать вместе с ним бежала на волю, и не мог быть полноправным участником в споре о том, что такое рабство.

Даже когда все угомонились, ему не удалось заснуть, и в конце концов он вылез по трапу на палубу.

Ночь была лунная. Туман над восточным берегом стлался низко и позволял видеть звезды.

Двадцать пять мексиканских рабов спали на

корме, тихо бормоча что-то сквозь сон. Спал и стражник.

«А ведь я собирался их освободить этой ночью, — подумал Артур. — Но теперь уже поздно — к утру не управлюсь».

Но тут ему пришло в голову, что он, пожалуй, сумеет сделать это быстрее, чем полагал.

Он сел в темном углу и после пары неудачных попыток вызвал в уме железное кольцо на лодыжке ближайшего раба. Он ощутил это кольцо, как прежде монету, и стал размягчать его, словно пряжку ремня.

Кольцо, однако, оказалось намного массивнее, чем монета или пряжка. Не успевал он размягчить одну его часть, другая опять застывала, и так без конца. Прямо как в истории о Сизифе, которую читала ему Пегги, — тот в подземном царстве, Гадесе, толкал камень в гору, но на каждый шаг вверх ступал два шага вниз и после целого дня работы был от вершины дальше, чем в самом начале.

Потом Артура осенило, и он чуть не выругался вслух. Надо же быть таким глупым!

Совсем не обязательно размягчать все кольцо. Снять он его, что ли, собирается, как рукав? Достаточно проделать это с ушком, где металл

тоньше всего.

Он попробовал, добился полного успеха и тут кое-что обнаружил.

Ушки не были соединены — чека отсутствовала.

Он стал мысленно проверять одни кандалы за другими и везде находил то же самое. Чеки недоставало везде. Каждый раб уже был свободен.

Он подошел к ним. Они не спали и потихоньку делали ему знаки — уйди, мол, с глаз долой.

Артур вернулся в свой угол, а они, будто по сигналу, разомкнули свои кандалы и тихо сложили цепи на палубу. Без некоторого шума, конечно, не обошлось, но часовой даже не шелохнулся — как и никто другой на всем пароходе.

Чернокожие встали и начали перелезать через борт, глядящий на реку.

Они все потонут. Рабов плавать не учат и самим учиться не позволяют. Они сделали свой выбор между рабством и смертью.

Хотя Артур, если подумать, не слыхал ни единого всплеска.

Он перебежал к дальнему борту и заглянул через поручни. Все двадцать пять человек собрались на плоту и тихо перегружали имущество Эйба Линкольна в шлюпку. Небольшой груз

там вполне уместился, и много времени это не заняло.

Неужели это для них так важно — не брать чужого добра? Они так и так совершают кражу, поскольку бегут от своих хозяев. Хотя это только теория, будто один человек, становясь свободным, тем самым что-то крадет у другого.

Потом они все улеглись на плот, и крайние, гребя руками, как веслами, двинулись на середину, в туман, к берегу краснокожих.

Кто-то положил руку Артуру на плечо, и он подскочил.

Это, конечно, был Элвин.

— Не надо, чтобы нас видели здесь, — сказал он тихо. — Пойдем вниз.

Артур провел его на камбуз. Элвин зажег одну лампу, низко привернув фитиль, и они стали шептаться.

— Я знал, что какой-нибудь дурацкий план в твоей башке непременно созреет, — сказал Элвин.

— А я думал, что ты не захочешь устраивать им побег. И как я не догадался…

— Я и сам так думал. Все дело, наверно, в Джиме Бови, который оказался шибко догадливым и пытался убить меня — нет, Артур Стюарт, он не

остановился бы, будь у него в руке нож. Перерезал бы мне глотку за милую душу. Вот я и подумал: каково-то мне было бы предстать перед Богом, зная, что я мог бы освободить двадцать пять человек, но счел нужным оставить их в рабстве. А может, это проповедь мистера Клея так на меня подействовала. Наставила на путь истинный.

— Мистера Линкольна точно наставила, — сказал Артур Стюарт.

— Может быть. Хотя не похоже, что у него когда-нибудь было желание владеть другими людьми.

— Я знаю, почему ты это сделал.

— И почему же?

— Потому что знал: если ты этого не сделаешь, сделаю я.

— Я знал, что ты надумал попробовать, — пожал плечами Элвин.

— И довел бы дело до конца.

— Долго бы пришлось доводить.

— Все пошло быстро, когда я понял, что можно ограничиться ушками.

— Вероятно. Но сегодняшнюю ночь я выбрал в основном из-за плота. Подарок судьбы, да и только. Грех не воспользоваться.

— И что же будет, когда они доплывут до берега краснокожих?

— Тенксватава о них позаботится. Я дал им условный знак, который надо показать первому встречному краснокожему. Благодаря этому знаку их проводят прямо к Тенскватаве, где бы тот ни был. А пророк, увидев его, обеспечит беглецам свободный проход — или просто оставит их жить у себя.

— Они могут понадобиться ему для войны с мексиканцами. Если те двинутся на север.

— И это возможно.

— Что за знак ты им дал?

Элвин показал крошечный мерцающий кубик — то ли из чистейшего льда, то ли из стекла, но стекло так мерцать не может.

— Пару таких вот штук.

Артур взял кубик в руку и понял, что это.

— Там внутри вода.

— Правильно. Я решил их сделать там, на реке, когда моя кровь чуть не пролилась в воду. Это одно из условий их изготовления: ты отдаешь частицу себя воде, чтобы сделать ее твердой, как сталь. Ты знаешь закон: творец…

— Творец есть часть того, что он создает, — закончил Артур Стюарт.

— Ложись-ка спать. Незачем кому-то знать, что мы этой ночью бодрствовали. Не могу же я

усыпить их навсегда.

— Можно я оставлю его себе? — спросил Артур. — Мне в нем что-то видится.

— Тебе может привидеться что угодно, если смотреть подольше, только я его тебе не отдам. Если люди считают ценностью то, что лежит у меня в котомке, что же они сделают ради кубика твердой воды, который показывает близкое и далекое, прошлое и настоящее?

Артур вернул кубик Элвину, но тот, не притронувшись к нему, улыбнулся. Вода вернулась в жидкое состояние и просочилась сквозь пальцы Артура. На столе осталась лужица, и Артур, глядя на нее, почувствовал себя растерянным и несчастным.

— Вода как вода, — сказал Элвин.

— С капелькой крови.

— Нет, кровь я забрал назад.

— Спокойной ночи. И спасибо… за то, что освободил их.

— Что мне еще оставалось, раз твое сердце так решило? Я смотрел на них и думал: кто-то любил их не меньше, чем твоя мама любила тебя. Она умерла за твою свободу, а мне этого делать не пришлось. Я всего лишь пошел на риск, да и то небольшой.

— Но ты же видел, что у меня получилось, правда? Я размягчил железо, не раскаляя его.

— Молодчина, Артур Стюарт. Теперь ты настоящий творец.

— Так себе творец.

— Из любых двух мастеров один всегда сильнее другого. Но сильному, чтобы не задаваться, полезно помнить, что всегда найдется третий, посильнее его.

— А кто сильнее тебя?

— Ты. Потому что для меня унция сострадания стоит дороже, чем фунт умения. Все, отправляйся спать.

Только теперь Артур Стюарт почувствовал, как он устал. То, что до сих пор держало его на ногах, испарилось, и он едва добрел до своего тюфяка.

Ну и переполох же поднялся утром! Подозревали всех и каждого. Некоторые думали, что это двое плотовладельцев — с чего бы иначе беглые оставили их имущество на борту? Но потом кто-то высказал здравую мысль, что вместе с грузом все беглые на плоту просто бы не уместились.

Затем подозрение пало на проспавшего часового, но и это представлялось сомнительным — будь он замешан, он убежал бы вместе со всеми, а не остался бы дрыхнуть на палубе, пока кто-то из

матросов не поднял тревогу.

Только теперь, после побега, выяснилось, кому же принадлежали эти рабы. Мистер Тревис, как предполагал Элвин, был совладельцем, но больше всех убивался капитан Ховард. Это неожиданное обстоятельство объясняло, почему мексиканская экспедиция отправилась вниз по реке именно на его пароходе.

Элвина удивляло то, что и Тревис, и Ховард поглядывают на них с Артуром так, будто догадываются об истине. Хотя чему тут, собственно, удивляться? Если Бови рассказал им, что случилось с его ножом на реке, то ясно, что человеку, имеющему такую власть над железом, проще простого вынуть чеки из кандалов.

Постепенно все разошлись, но когда Элвин и Артур собрались последовать их примеру, капитан Ховард направился прямо к ним.

— Я хочу поговорить с вами, — без намека на дружелюбие заявил он.

— О чем? — спросил Элвин.

— Этот ваш парень — я видел, как он выносил за ними ведро на утренней вахте. Видел, как он с ними разговаривал. Это вызвало у меня подозрения, поскольку никто из них не говорил по-английски.

— Pero todos hablaban español, — ввернул Артур Стюарт.

Тревис понял его и пришел в негодование.

— Они все говорили по-испански? Лживые скунсы!

Как будто рабы обязались быть честными с ним.

— Я расцениваю это как признание, — сказал капитан Ховард. — Он не отрицает, что говорит на их языке и знал о них то, чего не знал их хозяин.

Элвин положил руку на плечо Артуру, чтобы пресечь его протест.

— Мой парень только что выучился говорить по-испански, и когда ему представился случай попрактиковаться, он им воспользовался, естественно. Может быть, у вас есть доказательства, что кандалы были открыты при помощи параши? Если нет, то прошу вас оставить его в покое.

— Нет, я не думаю, что чеки вытащил он, — возразил капитан. — Я думаю, он просто сообщил черным, что кто-то другой задумал освободить их.

— Ничего я такого не говорил! — возмутился Артур.

Элвин стиснул его плечо чуть сильнее.

— Раб не должен так отвечать белому, особенно

корабельному капитану.

— Все в порядке, парень, — вмешался подошедший Бови. — Скажи им, незачем больше хранить этот секрет.

У Элвина упало сердце. Потребуется нешуточная пиротехника для отвлечения, чтобы они с Артуром успели сбежать.

Но Бови сказал совсем не то, чего ожидал Элвин.

— Малец рассказал мне про то, что узнал от них. Они замышляли устроить гнусный мексиканский обряд. Завести нас в глушь и ночью вырвать у кого-нибудь сердце. Вот я и решил, что лучше нам избавиться от этих подлых предателей.

— Вы решили? — вскипел капитан. — Какое право вы имели что-то решать?

— А такое. Вы поставили меня во главе разведчиков, то есть тех самых черномазых. Чертовски глупая идея, должен сказать. Почему, вы думаете, мексиканцы оставили этим ребятам сердца? Чтобы заманить нас в ловушку. Так было задумано с самого начала, да только мы в их ловушку не попались.

— А вы знаете, сколько они стоят? — бушевал Ховард.

— Вам-то они ничего не стоили, — заметил

Тревис.

Капитанский пыл несколько поубавился.

— Это вопрос принципа. Мыслимо ли — взять и отпустить их на волю!

— Я этого не делал, — сказал Бови. — Я отправил их на тот берег. Что там с ними будет, по-вашему, — если допустить, что они переберутся через туман?

Капитан для порядка поворчал еще немного, и следствие было закрыто.

Элвин дождался Бови в их общей каюте и спросил:

— Почему?

— Я же сказал, что умею хранить секреты. Я видел, как вы с парнем это провернули, — и, доложу я вам, стоило поглядеть, как вы разделались с кандалами, даже пальцем к ним не притронувшись. Мне повезло встретить человека с таким талантом. Вы мастер из мастеров.

— Поедемте тогда с нами. Бросьте ваших сообщников. Разве вы не видите, что они обречены? С мексиканцами шутки плохи. Вы все смертники, все до единого.

— Может, оно и так — но им я нужен, а вам нет.

— Мне тоже нужны. Мало кто в этом мире спо-

собен скрывать от меня свой сердечный огонь. Это и есть ваш дар, верно? Становиться невидимым для всех, когда надо. Потому я и не заметил, что вы за нами следите.

— Но в прошлую ночь вы проснулись, как только я притронулся к вашей котомке, — усмехнулся Бови.

— Притронулись? А может, вернули ее назад?

Бови уклончиво пожал плечами.

— Спасибо, что вступились за нас и взяли вину на себя, — сказал Элвин.

— Не такая уж это большая провинность. Тревису самому надоело возиться с этими черномазыми. Это Ховард уперся на том, что без них нам не обойтись, а он с нами не пойдет — высадит в Мексике, и все тут.

— Я мог бы давать вам уроки, как Артуру Стюарту.

— Да нет, вряд ли. Мы люди разные, это вы верно сказали.

— Не такие уж разные. Вы могли бы стать другим, ежели б захотели.

Бови в ответ покачал головой.

— Хорошо. Я отблагодарю вас единственным способом, который будет вам по душе.

Бови подождал и спросил:

— Ну?

— Уже. Я вернул его вам.

Бови схватился за ножны у себя на поясе и достал нож. Клинок был на месте и ни капельки не изменился.

Можно было подумать, что Бови держит на руках утраченное и найденное дитя.

— Как это вы приделали клинок обратно? Вы ко мне даже близко не подходили!

— Он был на месте все время. Небольшой обман зрения.

— Чтобы я его не видел?

— И чтобы не поранили никого.

— Но теперь-то он режет?

— Я думаю, в Мексике вас ждет гибель, мистер Бови, — но вы сможете прихватить с собой парочку человеческих жертв.

— Насчет жертв согласен, а вот сам умирать не собираюсь.

— Надеюсь, что я ошибся и все у вас будет хорошо.

— А я надеюсь, ты будешь жить вечно, Элвин Мастер, — сказал «убивец с ножиком».

В то же утро Элвин, Артур Стюарт, Эйб Линкольн и Куз сошли с парохода и вместе отправились в Нуэва-Барселону. В пути они рассказывали друг

другу самые невероятные веши, но это уже другая история.